

УДК 327:339

Губин А.В.
Gubin A.V.

Военные аспекты российского участия в политических процессах Восточной Азии

Military aspects of russia's involvement into East Asian political processes

Россия активно проводит «восточный вектор» дипломатии, направленный на расширение сотрудничества со странами динамично развивающегося АТР. Рост оборонных расходов ключевых игроков и изменение региональной структуры безопасности представляют как новые возможности для российского участия, так и чреватые рядом вызовов для безопасности страны. Наличие «старых» конфликтов, обострение экономической конкуренции заставляют страны АТР прибегать к логике военного противостояния, наращивая количественно и качественно оборонительные потенциалы для защиты собственных национальных интересов.

Ключевые слова: *военная безопасность, региональная безопасность, Россия в АТР, военно-техническое сотрудничество*

Contemporary Russia is forcefully driving so called oriental vector of diplomatic strategy aiming to develop cooperation with dynamically rising Asia-Pacific nations. High military expenditures of the key players as well as reshaping of regional security structure introduce new opportunities for Russia to involve however simultaneously generate a plenty of challenges to the state's security. Considering unresolved conflicts, crucial economic competition Asia-Pacific nations tend to switch on military opposition logic. They maximize own defense-offence capacities quantitatively and qualitatively to secure respective national interests.

Key words: *military cooperation, military security, regional security, Russia in the Asia Pacific*

Характеристика АТР с точки зрения военной безопасности

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) постепенно становится центром мировой политики, сконцентрировав также значительную часть глобального мирового хозяйства. Новые региональные процессы становятся стимулом трансформаций в выделяемой некоторыми исследователями в отдельный макрорегиональный комплекс «Большой Восточной Азии» (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Центральная и Южная Азия), что оказывает существенное влияние на глобальный политический процесс [4, с. 6].

Выполнено в рамках Государственного задания Министерства образования и науки РФ, по проекту №1430 «Формирование нового международного порядка в АТР и национальные интересы России».

ГУБИН Андрей Владимирович, к.п.н., руководитель Регионального центра азиатско-тихоокеанских исследований РИСИ, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** andrey.gubin@mail.ru

С экономической точки зрения, «Большая Восточная Азия» уже превратилась в ключевой макрорегион мира – именно здесь сконцентрировалось основное промышленное производство. Однако, с политической точки зрения, регион не является единым, и Соединённые Штаты пока остаются важным актором, обладающим значительными возможностями для корректировки внешнеполитических курсов стран макрорегиона [15].

Долгое время в АТР существовала ярко выраженная дихотомия по линии «Север-Юг», однако, к началу XXI в. в Юго-Восточной Азии обстановка стабилизировалась, страны не угрожают друг другу в военном отношении – сложился режим безопасности на основе АСЕАН. Также ввиду процессов демократизации в странах ЮВА и успешного опыта борьбы с терроризмом и экстремизмом несколько снизился потенциал конфликтности во внутренней политике государств. Ряд исследований говорит о формировании единого с Северо-Восточной Азией Восточноазиатского комплекса безопасности [16, с. 7–19].

В рамках данной статьи затронута проблематика скорее Восточной Азии, нежели всего АТР, прежде всего, ввиду затруднённости объединения процессов в США и ЮВА с процессами в Океании или Латинской Америке. В повествовании присутствуют и два внерегиональных игрока – США и Индия, как оказывающие значительное влияние на повестку безопасности в Восточной Азии. Оперирование термином «Индо-тихоокеанский регион» представляется преждевременным ввиду его неопределённости. Так же за рамками работы осталась весьма важная проблематика военно-политического сотрудничества, включая манёвры и косвенного участия вооружённых сил государств региона в ряде конфликтов, как требующая отдельного внимания.

Современное военно-политическое положение в АТР характеризуется ограниченной стабильностью. Очевидно, что, несмотря на интенсификацию многосторонних процессов по укреплению безопасности и снижение внутренней конфликтности в большей части государств, растёт потенциал межгосударственной напряжённости ввиду экономической конкуренции, обострения территориальных споров и стремления расширить сферу влияния.

Несмотря на интенсификацию многосторонних процессов по укреплению безопасности, конфликтный потенциал региона растёт. Основные государства региона, так или иначе, вовлечены в три «холодных» конфликта чрезвычайной степени опасности с точки зрения военных потенциалов вовлечённых сторон – «корейский», «тайваньский» и «курильский». Последний, будучи лишённым прямой риторики военного противостояния, тем не менее, затрагивает обладающую ядерным оружием Россию, имеющую серьёзный военный потенциал, Японию и её союзника – США. Негативный эффект сегодня даёт и возрастание локальной напряжённости в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, которая имеет тенденцию к интернационализации. Некоторое влияние на безопасность оказывает также традиционная китайско-индийская конкуренция.

Следует учитывать, что Восточная Азия сегодня фактически существует в условиях «ядерного плюрализма», поскольку ядерным оружием (ЯО) обладают борющийся за глобальный статус Китай, проводящая новую «тихоокеанскую политику» Россия, испытывающие кризис лидерства США, а также КНДР, для которой ядерный статус – единственная гарантия безопасности. Обладание ядерным оружием Индией и Пакистаном напрямую не угрожает ситуации в АТР, однако обостряет китайско-индийские противоречия и создаёт необходимость по укреплению мер контроля над ЯО в политически нестабильном Пакистане. Также

три актора (Япония, Южная Корея и Тайвань) обладают способностью быстро приобрести ядерный статус, если стратегическая ситуация станет угрожать интересам существования государства [24, с. 491]. Несмотря на популярное утверждение, что ядерное сдерживание как предотвращение каких-либо действий потенциального противника угрозой применения ЯО – это политика мирного времени, призванная повысить степень безопасности [5], его верность для АТР все же сомнительна именно ввиду множества участников и отсутствия прямого противостояния между ними.

Вместе с тем существует мнение, что в обозримой перспективе ни одно государство не будет в состоянии достигнуть комплексного доминирования в регионе. Даже у Китая сегодня не хватает для этого ни материальных ресурсов, ни цивилизационно-культурной привлекательности, кроме того в Восточной Азии слишком много сильных государств, а также велико влияние внерегиональных участников [24, с. 174].

По мнению ряда экспертов, в ближайшие 5–10 лет ситуация в АТР может существенно дестабилизироваться, если не принять срочных мер по созданию единой и надёжной системы безопасности. Вместе с тем, это крайне сложно сделать ввиду полярности интересов стран региона [19, с. 22]. Фактически в АТР в условиях отсутствия универсальных переговорных механизмов и мер доверия формируются несколько «центров силы». Можно утверждать и об уверенности восточноазиатских государств в собственной уникальности, и невозможности применить европейский опыт «коллективной безопасности» к тихоокеанским реалиям.

Текущая обстановка в сфере безопасности в восточноазиатских морях, где происходит борьба за обладание островами и контроля над морскими пространствами между «великими державами» с вовлечением малых и средних, напоминает «пороховую бочку Европы» – Балканы начала XX в. Сегодня наиболее значимым региональным игроком, способным спровоцировать военный конфликт, вероятно, является Китай, однако он не заинтересован в войне, способной существенно подорвать его экономический потенциал и вызвать внутривнутриполитические потрясения. Как полагает американский политолог Э. Люттвак, Китай может решиться на военные действия только в ответ на применение Соединёнными Штатами стратегии «геоэкономического удушения». Превентивные же удары со стороны США представляются аналитику не слишком вероятными [28, с. 46].

Стоит отметить, что и «перебалансировка» США в АТР, провозглашённая администрацией Б. Обамы, после прихода к власти Д. Трампа может претерпеть существенные изменения. Так, в ходе предвыборной кампании, он неоднократно заявлял о необходимости увеличения доли союзников США в финансировании мероприятий по поддержанию и укреплению безопасности.

Ситуация на региональном рынке вооружений

В начале XXI в. Азиатско-Тихоокеанский регион превратился в крупнейшего покупателя оружия и военной техники, обогнав даже традиционно «горячий» Ближний Восток. При этом на объёмы закупок практически не влияют последствия экономических кризисов – политические соображения заставляют государства региона «держаться в тонусе». Даже в тяжёлые для мировой экономики 2000–2003 гг. страны АТР приобрели оружия на 35,4 млрд. долл. [26]. Учитывая размеры региона и высокую покупательскую способность стран, ввиду неизменного роста их ВВП в последние 15 лет, АТР стал критически важным рынком для ведущих производителей вооружений – США, Евросоюза, России и

Израиля. Влияют на обстановку в регионе и такие внешние явления, как усиление Индии и пиратство в Аденском заливе.

По данным Jane's, за 2008–2012 гг. общемировой объём торговли оружием вырос на 30 % и составил 73,5 млрд. долл., причём к 2020 г. эта цифра может удвоиться [23]. Подобный рост достигнут как раз за счёт повышения доли таких государств, как Китай и Индия, в структуре мировой торговли оружием, при этом, предполагается, что доля США к 2021 г. составит 30 %, а других стран АТР – 31 %.

Ввиду постепенного сокращения оборонных расходов, Вашингтон в 2021 г. сможет выделить на военные нужды не более 472 млрд. долл., тогда как совокупный военный бюджет тихоокеанских государств превысит 501 млрд. долл. [21]. По данным СИПРИ, рост расходов на вооружения держится возле максимальных значений – в 2012 г. соответствующие траты составили 1,75 трлн. долларов, что на 0,5 % меньше, чем в 2011 г. Несмотря на падение расходов, в реальном исчислении они выше военных расходов стран мира на пике «холодной войны».

Баланс на мировом рынке вооружений постепенно меняется в сторону АТР. Отчасти это объясняется наличием нескольких серьёзных конфликтов, таких как «ядерная проблема» на Корейском полуострове, японо-китайский спор об островах Дяоюйдао/Сенкаку, многосторонний конфликт вокруг архипелага Спратли и др. Существует также определённая конкуренция между Индией и Китаем, Японией и Китаем, Китаем и Вьетнамом, Японией и Республикой Корея, Таиландом и Камбоджей, Индонезией и Малайзией и т.д. Более того, практически все региональные государства либо являются «великими державами» *ipso facto* (США, Китай, Россия), либо стремятся стать равными им в недалёком будущем (Япония, Республика Корея).

Исходя из «пространственного измерения интересов», ни одна нация региона не может чувствовать себя в полной безопасности, а это, в свою очередь, стимулирует «гонку вооружений» в регионе. При этом растёт не только количество приобретаемых боевых систем, но и повышается их качество. В скором времени, по мнению специалистов, США и страны Западной Европы утратят технологическое превосходство, потому что в государства АТР для удовлетворения их растущих потребностей в современных системах придётся продавать более совершенную технику, которую они способны затем не только доработать, но и воспроизвести [22].

Страны-заказчики все более активно требуют от мировых поставщиков оружия также инвестирования в оборонную промышленность своих стран. Например, индийские власти, ведя переговоры о поставке компанией «Дассо авиасьон» 126 самолётов, выдвинули условие, что 50 % всех работ и услуг, по заключённому контракту, будут выполнены индийскими компаниями [7]. И подобные требования по локализации производства и развитию смежных с «оборонкой» отраслей становятся все более популярными.

Можно констатировать, что ключевые государства Восточной Азии принимают меры по получению доступа к высоким технологиям: приобретают лицензии на производство, привлекают инвестиции на выгодных для инвесторов условиях, занимаются промышленным шпионажем. Вместе с тем, совершенно очевидно, что приобретение странами СВА совершенных систем вооружения приведёт к обострению классической «дилеммы безопасности», когда повышение безопасности одного участника достигается за счёт другого, что порождает нестабильность среди соседних государств. Это существенно усложнит международную обстановку как в Северо-Восточной Азии, так и в АТР в целом, поскольку любой, даже самый незначительный военный конфликт может обернуться

колоссальными потерями в людских и материальных ресурсах, а также обрушить региональную систему хозяйства.

Традиционно считается, что экспорт оружия чаще всего используется как средство достижения военно-стратегических целей – укрепления партнёрских отношений, поддержки союзников, повышения степени взаимодействия с вооружёнными силами тех или иных стран. Также военные поставки могут быть действенным инструментом демонстрации геополитического покровительства и даже гарантировать безопасность государства-реципиента [3, с. 172]. В этой связи, особую тревогу сегодня вызывает то, что производители в условиях роста конкуренции и падения спроса в других регионах стали более агрессивно бороться за поставки в АТР и предлагать практически все имеющиеся не только в наличии, но и в разработке системы вооружений и даже технологии и лицензии. Это стимулировало качественный скачок возможностей вооружённых сил стран региона и существенно повысило конфликтный потенциал Восточной Азии. Вооружённые силы тихоокеанских государств с начала XXI в. постепенно приобретают новые возможности, в том числе нанесения ударов на дальние расстояния, незаметность, интегрированное командование, сообразно с так называемой концепцией C4ISR (Command, Control, Communication, Computers, Intelligence, Surveillance, Reconnaissance).

Отдельным вопросом является рост поставок вооружений из государств Восточной Азии за рубеж. Так Китай фактически использует инструменты военно-технического и военно-политического сотрудничества для расширения сферы собственного влияния. В свою очередь, Сингапур является интересным примером коммерциализации военно-технического сотрудничества, предлагая на экспорт высокотехнологичные, но доступные образцы артиллерийского вооружения, лёгкого и стрелкового оружия.

«Восточный вектор» военно-технического сотрудничества России

В свете происходящих в АТР событий и с учётом приоритетов, озвученных в новой Концепции внешней политики России, особый интерес вызывают состояние и перспективы военно-технического сотрудничества нашей страны с ведущими тихоокеанскими игроками.

По информации Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (ФСВТС), с точки зрения перспектив взаимодействия России со странами АТР, государства региона условно делятся на три группы. К первой относятся страны, с которыми военно-техническое сотрудничество ведётся длительный период на регулярной основе и со значительными объёмами заключаемых контрактов (Индонезия, Малайзия, Мьянма). Ко второй группе можно отнести Бангладеш, Таиланд, Шри-Ланку, Сингапур, связи с которыми осуществляются в незначительных объёмах. Третья группа представляет собой государства, с которыми сотрудничество практически отсутствует (Австралия, Новая Зеландия, Филиппины, Мальдивы, Бруней, Непал, Фиджи, Папуа-Новая Гвинея). Это вызвано как объективными причинами (недостаток средств, выделяемых на закупку вооружений и военной техники), так и сложившейся в указанных странах ориентацией на западных поставщиков продукции военного назначения [20]. Такие страны, как Китай, Индия и Вьетнам могут быть выделены в группу «эксклюзивных партнёров», у которых Россия занимает первое место по поставкам практически всей номенклатуры вооружений и военной техники.

Вероятно, для наращивания объёмов военно-технического сотрудничества Москве необходимо пересмотреть систему взаимоотношений с

иностранными партнёрами, в частности, перейти к совместной разработке высокотехнологичных вооружений, предусмотреть продажу технологий производства оружия, создавать лицензионное производство на территории иностранных государств. В регионе наиболее востребованными могут оказаться сторожевые корабли, инженерные системы, системы радиолокации, современное ракетное оружие. Между тем, опыт сотрудничества ВТС с КНР показывает, что передача российских технологий в итоге выливается в убытки ввиду склонности иностранных партнёров к «адаптированному воспроизведению». В этой связи требуется существенно ужесточить условия лицензионных соглашений, что, в свою очередь, снизит конкурентоспособность продукции. Помимо того, передача лицензий снижает объёмы фактического экспорта, потому такой шаг желательно сопровождать заключением дополнительных контрактов на обслуживание и модернизацию систем, что также интересно не всем нашим партнёрам.

Более десяти лет Москва воздерживалась от передачи китайской стороне высокотехнологичной боевой техники ввиду склонности специалистов из «Поднебесной» к копированию. Вместе с тем, соглашения о поставках С-400 и Су-35 свидетельствуют об иной расстановке приоритетов – стратегический партнёр должен быть хорошо вооружён.

Доля России на рынке вооружений и военной техники стран Азиатско-Тихоокеанского региона, по разным данным, составляет около 19–22 %, доля США – 36–42 %. Тем не менее, РФ планирует заключение крупных договоров на поставки вооружения и военной техники в страны региона, хотя, вопреки мнению некоторых аналитиков [18], работа на рынках Японии, Австралии и Тайваня представляется для Москвы все же крайне затруднительной.

Согласно данным Исследовательской службы Конгресса США, объёмы фактических поставок российских вооружений странам Азии и АТР в 2007–2014 гг. составили 30,1 млрд дол. (по курсу 2015 г.). В указанный период Россия передала заказчикам из АТР 570 основных боевых танков и самоходных артиллерийских установок, 60 единиц артиллерии и реактивных систем залпового огня, 570 бронетранспортёров, боевых машин пехоты и бронемашин, пять крупных надводных боевых кораблей, 14 малых боевых кораблей, два ракетных катера, две подводных лодки, 220 реактивных боевых самолётов, 10 самолётов других типов, 320 различных вертолётов, 1710 зенитных управляемых ракет, 30 ракет класса "земля – земля", 260 противокорабельных ракет [10]. Из значимых сделок можно отметить контракт на поставку в Китай зенитно-ракетных систем С-400 «Триумф» на 3 млрд. долл., а также соглашение с Индией на поставку снарядов для танковых пушек на 432 млн. долл. [17].

Более 90 % экспорта вооружений России в АТР приходится на Китай, Вьетнам, Индонезию и Малайзию. Поставки в другие страны региона носят эпизодический характер. При этом на ряде ёмких рынков, прежде всего Южной Кореи и Сингапура, продукция нашего ВПК практически не представлена. Как полагают специалисты, с постепенным сокращением поставок в Китай нам придётся искать новые рынки сбыта. Поскольку возможность поставок готовых систем в страны, имеющие тесные отношения с США, маловероятна, то весьма перспективным вариантом военно-технического сотрудничества для РФ может стать совместная разработка систем вооружений [9].

Наибольшие перспективы по продвижению в страны АТР «Рособоронэкспорт» связывает с подводными лодками проектов 636 и «Амур-1650», фрегатами проектов 11356 и «Гепард-3.9», а также различными корабельными вооружениями, включая «Калибр» [10]. Свыше половины российского военного экспорта в страны АТР и соседнюю им Индию

приходится на боевую авиацию. В этой связи наши позиции во многом будут зависеть от развития программ по созданию новых самолётов и модернизации существующих, включая строительство истребителя Су-35, истребителя пятого поколения ПАК ФА, учебно-боевых самолётов Як-130, вертолётот. Имеется существенный задел и по авиационному ракетному вооружению.

Согласно оценкам экспертов, негативные последствия для России будет иметь значительное сокращение военно-технического сотрудничества с Китаем в результате достижения им планируемой к 2020 г. «самообеспеченности» в вооружениях, а также с Индией, взявшей курс на развитие собственной оборонной промышленности. На экспортных возможностях России скажется и сокращение научно-технического задела в вооружениях после распада СССР, при этом разработка перспективных систем не всегда ведётся темпами, соответствующим требованиям рынка.

В этой связи нашей стране придётся не только искать пути увеличения поставок военной техники на рынки АТР, но и самим активно принимать на вооружение новейшие образцы, дабы не превратиться в «технологического аутсайдера», что может неблагоприятно сказаться на российской внешней политике в АТР. Стоит отметить, что санкционная политика со стороны США, стран ЕС и некоторых государств АТР (например, Японии или Австралии) практически не сказалась на наполненности портфеля заказов на российское оружие со стороны восточноазиатских государств и Индии. Более того, российско-китайские инициативы по созданию единого экономического пространства «Большой Евразии» могут привлечь дополнительных партнёров и в сферу военной безопасности.

Следует отметить, что в ряде случаев поставки российского оружия служат своеобразным умиротворяющим фактором в непростых отношениях между странами региона. Так, обладание Индией передовой российской авиационной и морской техникой служит фактором сдерживания Пакистана, равно как и придаёт действиям КНР в бассейне Индийского океана разумную осторожность. Перевооружение ВМС и ВВС Вьетнама также может способствовать мирному разрешению его споров с Китаем в Южно-Китайском море.

Интеграция России в пространство безопасности Восточной Азии

Традиционно принято считать, что международные институты призваны содействовать установлению и поддержанию мира и процветания переговорами методами через сотрудничество, действуя на основе сформулированных и прецедентных норм. Вместе с тем, АТР отличается пёстрой картиной с точки зрения функционирования различных организаций, в ряде случаев с дублирующей компетенцией, что создаёт дополнительные проблемы во взаимодействии ключевых игроков, предпочитающих, в том числе и по этой причине, двусторонние форматы.

В отличие от Юго-Восточной Азии, институциональная архитектура в Северо-Восточной Азии характеризуется так называемой «организационной дырой» [25], и схему многостороннего взаимодействия только предстоит выработать. В СВА нет сложившихся, жизнеспособных многосторонних механизмов ни по политическим, ни по экономическим вопросам. В сфере политики и безопасности в качестве перспективной модели долгое время принимался формат Шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме, который стороны предполагали развить до полноценной организации безопасности.

Говоря об архитектуре Восточной Азии в целом, нельзя не отметить определённой дихотомии между политикой и экономикой. Значительная часть экономической повестки китаецентрична, так как ключевые возможности для стран региона связаны с растущим потенциалом КНР. В свою очередь, инициатором обсуждения и решения вопросов безопасности в бассейне Тихого океана чаще являются США [27, с. 66–95].

Согласно ряду отечественных программных документов, включая Концепцию внешней политики РФ. [14], АТР является одним из приоритетных направлений развития как экономических связей, так и политического диалога. Одним из показателей возвращения России в регион стала активизация участия в различных форумах по вопросам безопасности. В 2003 г. Москва присоединилась к механизму Шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме, а в 2010 г. Россия стала членом Восточноазиатского саммита (ВАС) наряду с США.

Москва традиционно склонна видеть в качестве идеальной модели регионального порядка многополярность, где мы занимаем ключевое место, ничем не уступающее Вашингтону, Токио и Пекину. В этом контексте Кремль регулярно подчёркивал значение Шестисторонних переговоров как не только дипломатического способа денуклеаризации КНДР, но и «механизма установления надёжных политических и юридических гарантий безопасности в СВА» [13]. Россия также высказала пожелание реформировать Восточноазиатский саммит в открытую систему безопасности, которая могла бы объединить региональную повестку в данной сфере в целях развития стратегического диалога. Имеются определённые подвижки в установлении военных отношений со странами ЮВА, в том числе по линии Совета министров обороны стран АСЕАН плюс партнёров.

Опора на элементы силового давления в политическом и экономическом взаимодействии со странами АТР представляется дестабилизирующей и не отвечающей российским интересам. Вместе с тем, полезно развитие программ военно-технического сотрудничества со странами ЮВА, Китаем, Индией, поддержание диалога по вопросам безопасности с ведущими региональными акторами, проведение совместных учений, ненаправленных против какой-либо третьей стороны. Также РФ может выступить инициатором формирования в СВА многостороннего механизма по разрешению конфликтов, основываясь, в том числе, и на опыте шестисторонних переговоров до их приостановки.

Современное положение России в АТР характеризуется относительно пассивным присутствием на многосторонних площадках и осознанным отсутствием чёткой позиции по ряду вопросов региональной безопасности [8]. В этой связи, учитывая большую вовлечённость КНР в широкую повестку безопасности, для нашей страны представляются полезными более активные действия. Впоследствии данные шаги будут способствовать и укреплению безопасности на евразийском пространстве для реализации российских экономических и политических интересов. Как представляется, новая трансрегиональная организация в сфере безопасности может быть создана на основе Шанхайской организации сотрудничества, которая пока сосредоточена скорее на проблематике Центральной Азии.

Специфика военных угроз со стороны АТР для России

Россия обладает значительным историческим опытом присутствия на Тихом океане, а также имеет общие границы с Монголией, КНР, Японией, КНДР и США. Согласно Концепции внешней политики России 2013 г., «возрастающее значение приобретает укрепление позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что обусловлено принадлежно-

стью нашей страны к этому самому динамично развивающемуся геополитическому пространству...» [14]. Однако современный потенциал РФ, по оценкам, уступает потенциалу СССР в три раза. По синтетическому показателю потенциала силы и способности её проецировать в пределах АТР Россия оказалась позади США, Китая и даже Японии. Военные возможности группировки ВС РФ на Дальнем Востоке меньше американских в 2,5 раза, а китайских – в 5 раз [2]. Это соотношение требует внимательного реагирования на возникающие кризисы и своевременного поиска путей развития отношений с восточноазиатскими государствами, в том числе в военно-политическом и военно-техническом измерениях. Помимо этого, существенное внимание уделяется руководством страны наращиванию и модернизации группировки вооружённых сил на Дальнем Востоке.

Концепция внешней политики РФ констатирует рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанский регион. При этом «принципиальное значение для России имеет общее оздоровление военно-политической обстановки в Азии, где сохраняется значительный конфликтный потенциал, наращиваются военные арсеналы, увеличивается опасность распространения оружия массового уничтожения. Россия последовательно выступает за урегулирование вовлечёнными сторонами всех имеющихся разногласий политико-дипломатическими средствами при строгом соблюдении основополагающих принципов международного права» [14].

В Военной доктрине РФ 2014 г. «военная угроза» определяется в статье 8в как «состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующееся реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооружённому насилию)» [6]. Согласно ст. 21з, в числе основных задач РФ по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов – содействие построению в АТР новой модели безопасности, основанной на коллективных внеблоковых началах [6].

В силу объективных факторов главный источник угроз в сфере безопасности для России в АТР – американско-китайское противостояние в своём военно-политическом аспекте. Долгое время ключевым атрибутом национальной безопасности РФ было ядерное сдерживание. До сих пор наша страна оставляет за собой право «применить ядерное оружие... в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» [6]. Достаточно популярной остаётся и концепция «неприемлемого ущерба» [1, с. 24], который в современных условиях сложно оценить ввиду губительности масштабного применения военной силы государствами друг против друга. Однако ядерная мощь, по мнению ряда экспертов, может лишь частично компенсировать слабость в экономических и политических сферах, потому важно сосредоточиться на предотвращении так называемого «эскалационного доминирования» со стороны оппонентов в условиях кризиса [12, с. 220–223]. И если в российско-американских отношениях на глобальном уровне ядерное сдерживание по-прежнему является главным фактором стабильности, то в региональном аспекте оно лишь частично обеспечивает наши интересы.

Новая Военная доктрина РФ говорит о необходимости развивать военно-политическое сотрудничество с государствами – членами ШОС в плане координации усилий в интересах противодействия новым военным опасностям и военным угрозам на совместном пространстве соглас-

но общим целям укрепления международной безопасности и стратегической стабильности на глобальном и региональном уровнях [6].

Главный партнёр в этом случае – Китайская Народная Республика. Концепция внешней политики РФ 2013 г. подтверждает намерения России «продолжать наращивать всеобъемлющее равноправное доверительное партнёрство и стратегическое взаимодействие с Китаем, активно развивать сотрудничество во всех областях». Отмечается, что совпадение принципиальных подходов двух стран к ключевым вопросам мировой политики рассматривается Россией в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности. На этой основе Россия будет развивать внешнеполитическое взаимодействие с Китаем на различных направлениях, включая поиск ответов на новые вызовы и угрозы, решение острых региональных и глобальных проблем [14].

Примечательно, что военное присутствие США в Японии и РК, традиционно трактуемое как угрожающее российским интересам в СВА, в современном контексте также воспринимается с точки зрения американо-китайского антагонизма. Военная деятельность Вашингтона представляется более опасной для Пекина во многом из-за отсутствия между ними ситуации взаимного ядерного сдерживания.

В условиях отсутствия прямой угрозы для безопасности России в АТР в качестве ключевых вызовов для Москвы в этой сфере можно выделить возможность дестабилизации региональной ситуации вплоть до военного конфликта, а также развёртывание США и их союзниками системы ПРО. Военный конфликт в АТР, даже не будучи направленным против России, скорее всего, произойдёт с участием Китая, что, несмотря на отсутствие союзнических обязательств, может потребовать нашего вмешательства с учётом особого характера двусторонних отношений.

Литература

1. Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Пикаев А.А., Ознобищев С.К. Стратегическая стабильность после «холодной войны». М.: ИМЭМО РАН, 2010.
2. Бельский А.Н. Влияние силового потенциала на развитие Азиатско-Тихоокеанского региона // Военно-политическая ситуация в мире и безопасность России: / сб. докл. под ред. Г.Г. Тищенко, В.Е. Новикова. М.: РИСИ, 2014. 124 с.
3. Битцингер Р. Распространение оружия и наращивание военных потенциалов в Азиатско-Тихоокеанском регионе: современные системы вооружений // Вызовы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: взгляд из России и США. Владивосток, 2006.
4. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации: под общ. ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО, 2010
5. Брезкун С. Ядерное сдерживание: от Сталина до Путина. // Национальная оборона. 2015, №2 (февраль), [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nationaldefense.ru/includes/periodics/geopolitics/2014/1223/125014765/detail.shtml> (дата обращения: 28.11.2016 г.).
6. Военная доктрина РФ. Утв. 26.12.2014 г., [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения: 28.11.2016 г.).

7. Восток входит в гонку вооружений. // Военное обозрение. 2013. 2 июля, [Электронный ресурс]. URL: <http://topwar.ru/30215-vostok-vhodit-v-gonku-vooruzheniy.html> (дата обращения: 28.11.2016 г.).

8. Габуев А. Почему Россию не слушают в Азии по вопросам безопасности. // Московский центр Карнеги: официальный сайт. 1 июня 2015 г, URL: <http://carnegie.ru/2015/06/01/ru-60259/i98x> (дата обращения: 28.11.2016 г.).

9. Денисенцев С. Рынок вооружений стран Азиатско-Тихоокеанского региона. // Российский совет по международным делам: интернет-сайт, URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=440#top (дата обращения: 28.11.2016 г.).

10. Каковы позиции России на рынке вооружений Азиатско-Тихоокеанского региона // ТАСС. 18.04.2016, [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/armiya-opk/3215140> (дата обращения: 28.11.2016 г.).

11. Карякин В.В. Современные кризисы и конфликты: особенности, сценарии развития и предотвращение. // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 4. С. 138–151.

12. Кокошин А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М.: ВШЭ, 2013.

13. Комментарий МИД России о развитии обстановки на Корейском полуострове и перспективах возобновления шестисторонних переговоров. 4 февраля 2011 года. Сайт МИД России, URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNImL/content/id/220186 (дата обращения: 28.11.2016 г.).

14. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. 12.02.2013 г, [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 28.11.2016 г.).

15. Лунев С.И. Значение Большой Восточной Азии для укрепления позиций России. // Высшая школа экономики: официальный сайт, URL: <https://www.hse.ru/data/2010/03/29/1217447887/Lunev.doc> (дата обращения: 28.11.2016 г.).

16. Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности // Ойкумена: Регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 7–19.

17. Россия занимает второе место на мировом рынке вооружений // ТАСС. 16.02.2016, [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/armiya-opk/2659526> (дата обращения: 28.11.2016 г.).

18. Суворин В.С. Россия и рынок оружия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. // Мир и Политика. 2012. 5 ноября, [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-politika.ru/1899-rossiya-i-rynok-oruzhiya-v-aziatsko-tihookeanskom-regione.html> (дата обращения: 28.11.2016 г.).

19. Тищенко Г.Г. Военно-политическая обстановка в мире и некоторые угрозы России / Военно-политическая ситуация в мире и безопасность России: / сб. докл. Под ред. Г.Г. Тищенко, В.Е. Новикова. М.: РИСИ. 2014. 124 с.

20. ФСВТС: Россия намерена активно налаживать и развивать военно-техническое сотрудничество со странами АТР // ТАСС. 26.02.2013, [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/563076> (дата обращения: 28.11.2016 г.).

21. Ходовой товар // «Взгляд». 2013. 25 июня, [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/economy/2013/6/25/638660.html> (дата обращения: 28.11.2016 г.).

22. Aggressive Asian military spending driving global arms 'explosion' // The Washington Times. 2013. June 25, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2013/jun/25/aggressive-asian-military-spending-driving-global/> (дата обращения: 28.11.2016 г.).

23. Asia-Pacific Arms spending to outstrip North America's to 2021 // The Japan Times. 2013. June, 26, [Электронный ресурс]. URL: http://www.japantimes.co.jp/news/2013/06/28/asia-pacific/asia-pacific-arms-spending-to-outstrip-north-americas-by-21-analysts/#.Uh7Z_BDeL3E (дата обращения: 28.11.2016 г.).

24. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge. Cambridge University Press, 2003. 588 p.

25. Calder K., Min Ye. *The Making of Northeast Asia*. Stanford: Stanford University Press. 2010.
26. Grimmett R.F. *Conventional Arms Transfer to Developing Nations, 1996-2003*. Washington, U.S. Congressional Research Service, August 26, 2004.
27. Kahler M. *Regional Economic Institutions and East Asian Security*. In *The Nexus of Economics, Security and International relations in East Asia*. Ed. by Avery Goldstein and Edward D. Mansfield. Stanford, CA: Stanford University Press, 2012. p. 66–95.
28. Luttwak E. *The Rise of China vs. the Logic of Strategy* (Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press. 2012.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z., Pikaev A.A., Oznobishhev S.K. *Strategicheskaya stabil'nost' posle «kholodnoj vojny»*. М.: ИМЕМО РАН, 2010.
2. Bel'skij A.N. *Vliyanie silovogo potentsiala na razvitie Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona // Voенно-politicheskaya situatsiya v mire i bezopasnost' Rossii: / sb. dokl. pod red. G.G. Tishhenko, V.E. Novikova. М.: RISI, 2014. 124 s.*
3. Bittsinger R. *Rasprostranenie oruzhiya i narashhivanie voennykh potentsialov v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: sovremennye sistemy vooruzhenij // Vyzovy bezopasnosti v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: vzglyad iz Rossii i SSHA. Vladivostok, 2006.*
4. «Bol'shaya Vostochnaya Aziya»: mirovaya politika i regional'nye transformatsii: pod obshh. red. A.D. Voskresenskogo. М.: MGIMO, 2010
5. Brezkun S. *YAdernoe sderzhivanie: ot Stalina do Putina. // Natsional'naya oborona. 2015, №2 (fevral'), [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.nationaldefense.ru/includes/periodics/geopolitics/2014/1223/125014765/detail.shtml> (data obrashheniya: 28.11.2016 g.).*
6. *Voennaya doktrina RF. Utv. 26.12.2014 g. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (data obrashheniya: 28.11.2016 g.).*
7. *Vostok vkhodit v gonku vooruzhenij. // Voенное obozrenie. 2013. 2 iyulya, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://topwar.ru/30215-vostok-vhodit-v-gonku-vooruzheniy.html> (data obrashheniya: 28.11.2016 g.).*
8. *Gabuev A. Pochemu Rossiyu ne slushayut v Azii po voprosam bezopasnosti. // Moskovskij tsentr Karnegi: ofitsial'nyj sajt. 1 iyunya 2015 g, URL: <http://carnegie.ru/2015/06/01/ru-60259/i98x> (data obrashheniya: 28.11.2016 g.).*
9. *Denisentsev S. Rynok vooruzhenij stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona. // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam: internet-sajt, URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=440#top (data obrashheniya: 28.11.2016 g.).*
10. *Kakovy pozitsii Rossii na rynke vooruzhenij Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona // TASS. 18.04.2016, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://tass.ru/armiya-i-opk/3215140> (data obrashheniya: 28.11.2016 g.).*
11. *Karyakin V.V. Sovremennye krizisy i konflikty: osobennosti, stsennari razvitiya i predotvrashhenie. // Problemy natsional'noj strategii. 2014. № 4. S. 138–151.*
12. *Kokoshin A.A. Politiko-voенnye i voенно-strategicheskie problemy natsional'noj bezopasnosti Rossii i mezhdunarodnoj bezopasnosti. М.: VSHEH, 2013.*
13. *Kommentarij MID Rossii o razviti obstanovki na Korejskom poluostrove i perspektivakh vozobnovleniya shestistoronnikh peregovorov. 4 fevralya 2011 goda. Sajt MID Rossii, URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNImL/content/id/220186 (data obrashheniya: 28.11.2016 g.).*
14. *Kontseptsiya vneshnej politiki Rossijskoj Federatsii. Utv. 12.02.2013 g, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (data obrashheniya: 28.11.2016 g.).*

15. Lunev S.I. Znachenie Bol'shoj Vostochnoj Azii dlya ukrepleniya pozitsij Rossii. // Vysshaya shkola ehkonomiki: ofitsial'nyj sajt, URL: <https://www.hse.ru/data/2010/03/29/1217447887/Lunev.doc> (data obrashheniya: 28.11.2016 g.).

16. Lukin A.L. Teoriya kompleksov regional'noj bezopasnosti // Ojkumena: regionovedcheskie issledovaniya. 2011. № 2. S. 7–19.

17. Rossiya zanimaet vtoroje mesto na mirovom rynke vooruzhenij // TASS. 16.02.2016, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://tass.ru/armiya-i-opk/2659526> (data obrashheniya: 28.11.2016 g.).

18. Suvorin V.S. Rossiya i rynek oruzhiya v Aziatsko-Tikhookeanskom regione. //Mir i Politika. 2012. 5 noyabrya, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://mir-politika.ru/1899-rossiya-i-rynok-oruzhiya-v-aziatsko-tihookeanskom-regione.html> (data obrashheniya: 28.11.2016 g.).

19. Tishhenko G.G. Voенно-politicheskaya obstanovka v mire i nekotorye ugrozy Rossii / Voенно-politicheskaya situatsiya v mire i bezopasnost' Rossii: / sb. dokl. Pod red. G.G. Tishhenko, V.E. Novikova. M.: RISI. 2014. 124 s.

20. FSVTS: Rossiya namerena aktivno nalazhivat' i razvivat' voенno-tehnicheskoe sotrudnichestvo so stranami ATR // TASS. 26.02.2013, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://tass.ru/politika/563076> (data obrashheniya: 28.11.2016 g.).

21. KHodovoj tovar // «Vzglyad». 2013. 25 iyunya, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://vz.ru/economy/2013/6/25/638660.html> (data obrashheniya: 28.11.2016 g.).

22. Aggressive Asian military spending driving global arms 'explosion' // The Washington Times. 2013. June 25, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2013/jun/25/aggressive-asian-military-spending-driving-global/> (data obrashheniya: 28.11.2016 g.).

23. Asia-Pacific Arms spending to outstrip North America's to 2021 // The Japan Times. 2013. June, 26, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.japantimes.co.jp/news/2013/06/28/asia-pacific/asia-pacific-arms-spending-to-outstrip-north-americas-by-21-analysts/#.Uh7Z_BDeL3E (data obrashheniya: 28.11.2016 g.).

24. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge. Cambridge University Press, 2003. 588 p.

25. Calder K., Min Ye. The Making of Northeast Asia. Stanford: Stanford University Press. 2010.

26. Grimmett R.F. Conventional Arms Transfer to Developing Nations, 1996-2003. Washington, U.S. Congressional Research Service, August 26, 2004.

27. Kahler M. Regional Economic Institutions and East Asian Security. In The Nexus of Economics, Security and International relations in East Asia. Ed. by Avery Goldstein and Edward D. Mansfield. Stanford, CA: Stanford University Press, 2012. p. 66–95.

28. Luttwak E. The Rise of China vs. the Logic of Strategy (Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press. 2012.